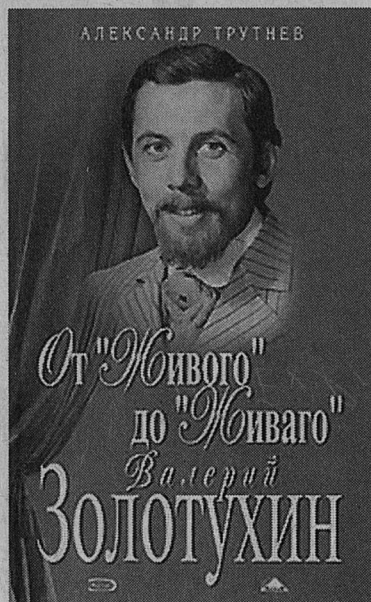

Домовой Таганки

Валерий Золотухин как Пимен, Нестор и сам себе биограф

Александр Трутнев. От «Живого» до «Живаго» (Валерий Золотухин в собственных рассказах, в своих повестях и дневниках, свидетельствах современников, фотографиях). – М.: Олимп, Эксмо, 2006, 480 с.

Нина Краснова

Иван Бунин когда-то воскликнул в своих заметках: хорошо, если «найдется человек», который сможет выбрать отрывки из моих дневников и составить из них мою полную биографию. Такой человек нашелся у Валерия Золотухина: литератор Александр Трутнев, дав-

рах «сатиновых» и в своей шляпе «дерматиновой» и поступил учиться. С Театром им. Моссовета, где играл свои первые спектакли, и с Театром на Таганке, где судьба свела его с Юрием Любимовым и с Владимиром Высоцким и где он работает уже более сорока лет и стал ее домовым, по выражению Юрия Любимова.

Портрет Золотухина, как и вся книга, выполнен в стиле коллажа и бриколажа, характерном для спектаклей «Доктор Живаго», «Театральный роман», «До и после», «Марат и маркиз де Сад», «Шарашка», «Владимир Высоцкий», где актер играет главные роли. Каждый соавтор книги добавляет к портрету свои яркие мазки, штрихи и штришочки, выявляющие все новые качества и стороны многогранного таланта. «Натурщик», впрочем, никому не позирует, ни перед кем не рисуется и ведет себя на страницах книги так естественно, как у себя дома.

Вот писатель Юрий Кувалдин спрашивает Золотухина, почему тот начал писать прозу, дневники, «записки»? А потому что «какой-то американец», оказывается, говорил (не ему, Золотухину, а вообще): «Записывайте мгновения – они стоят целых исследований и томов воспоминаний». А Юрий Нагибин считал: то, что не было записано, того «не существовало». И Золотухин, как черноризец, пишет «летопись» своей жизни и дорогой ему Таганки, записывает,

на «Хрониках» Шекспира упала с конструкции из металлических труб и два месяца лежала в гипсе в Институте Склифосовского, он каждый день навещал ее, ухаживал за ней, заплетал ей косички, читал над ней молитвы не хуже священника и спал прямо на полу возле кровати. А потом и пить бросил! Главными качествами Валерия Золотухина она считает «доброту и трудолюбие». Но у него есть и много других, таких же ценных.

Художник Александр Трифонов вспоминает о том, как Золотухин играл на сцене Театра Армии роль императора Павла Первого, «русского Гамлета», а сам художник тогда проходил армейскую службу в этом Театре и выступал в массовке, в роли одного из гренадеров императора, готовых «умереть» за него. Не каждому даже и артисту выпадет счастье играть в спектакле с самим Золотухиным и наблюдать, как он приходит в театр часа за два до спектакля, репетирует свою роль, один, без «зрителей», как он ходит по сцене, приседает, отжимается, марширует, бежит, поднимает и опускает руки... И каким «одиноким» он кажется в большом пространстве зала.

Театрал Петр Кобликов, которого Золотухин называет «верным зрителем» Таганки, «домовым зрительного зала», один из немногих, кто сорок лет назад смотрел на Таганке спектакль «Добрый человек из Сезуана», где Валерий Золотухин, еще совсем молодым, играл Водоноса. Да так, что никто из «новых» Водоносов не может смыть с себя печать, которую наложил Золотухин на этот образ.

В книге виден весь творческий путь Валерия Золотухина – от роли деревенского мужика Кузькина из спектакля по роману Можая до рафинированного интеллигента Живаго, путь самосовершенствования, и все его этапы, с ухабами и колдобинами, с триумфами, взлетами и провалами, с женитьбой на «первой красавице» ГИТИСа Нине Шацкой и разочарованием в личной жизни, с разрушением семьи, с надеждой на новое счастье и с женитьбой на помощнице режиссера «Ленфильма» Тамаре, со съемками в фильмах «Пакет», «Интервенция», «Бумбараш», «Хозяин тайги», «Человек с аккордеоном», «Единственная», «Ночной дозор», «Дневной дозор», с детьми мал мала меньше от трех разных женщин, и с пятерыми внуками, с «Анной Снегиной» и со строительством храма в Быстром Истоке...

Когда-то юный Золотухин мечтал «повиснуть портретом на

чьей-нибудь стенке». Но потом понял, что самое-то главное не «повиснуть», а удержаться на отвесной стене. И это у него получается, он всегда в отличной форме, «всегда разный» и поэтому неожиданный и интересный для всех. Иногда он не прочь и похулиганить, как его герой Есенин, как друг Высоцкий. «Мне скучно

не хулиганить», – пишет Золотухин, хотя в одном из своих интервью и утверждает, что с годами остепенился и находит себя не в женщинах, не в водке, а «в работе». Но работа была всегда, потому и привык каждый день вести дневник.

«Я облегчаю работу моим биографам, – говорит Валерий Золоту-

хин. – Но только читайте в основном между строк... Постарайтесь... расшифровать душу мою».

Читатели книги Трутнева о Золотухине, может быть, даже смогут «расшифровать душу» нашего современника, хотя душа художника – это потемки и вечная загадка. Но по крайней мере заглянуть туда стоит.

В книге – весь творческий путь Валерия Золотухина, с взлетами, провалами и триумфами.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

Когда-то юный Золотухин мечтал «повиснуть портретом на чьей-нибудь стенке»

ний и страстный поклонник Золотухина-артиста, Золотухина-прозаика, Золотухина-человека. Он пересмотрел, перечитал все его книги и дневники, а также гору других материалов, выбрал отрывки, добавил рассказы и высказывания разных людей о Золотухине, свои беседы с ним, его друзьями и коллегами и составил из них книгу.

В ней – биография жизни и творчества, связанная с алтайским селом Быстрый Исток, где Золотухин родился, мечтал превратиться из «гадкого утенка» в большую и прекрасную птицу и решил стать артистом. С Москвой и ГИТИСом, куда он приехал в своих шарова-

что происходит с ним, а раз с ним, то и с его «семьей», и с театром, и «с людьми вокруг», чтобы все это не пропало: «Я превратился в некоего историка... Называют меня Пименом, Нестором, еще кем-то из летописцев».

Актриса Ирина Линдт, как археолог, по кусочкам восстанавливает момент своей самой первой встречи с прославленным артистом. Этот момент произошел на лестнице Таганки, когда кумир публики был слегка нетрезв и не мог попасть ногой на ступеньку. Потом они играли «Моцарта и Сальери» Пушкина, Линдт – Моцарта, а Золотухин – Сальери. А когда Ирина